

О. А. БОГДАНОВА *

ДОСТОЕВСКИЙ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ФЕДОРА СОЛОГУБА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Ф. Сологуб, топики, Дон Кихот, Дульцинея, «реализм в высшем смысле», символизм, проза, роман.

В статье — панорамное сопоставление обоих писателей: биографий, склада их личностей, мировоззренческих ориентиров, жанрового диапазона творчества, художественных методов и т. д. Особое внимание уделено анализу топики Достоевского и Сологуба, пронизывающих их произведения сквозных мотивов, которые имеют общеевропейское значение. В первую очередь, это миф о Дон-Кихоте и Дульцинее, введенный в мировое культурное пространство великим писателем XVI — начала XVII в. Мигелем Сервантесом.

Вначале приведем немногочисленные биографические факты, так или иначе соединяющие двух писателей. Во-первых, Достоевский был среди любимых авторов Федора Сологуба с отроческих лет: «“Преступление и наказание” Достоевского <...> составило целую эпоху в жизни 13-летнего Феди. Судьба Раскольникова и тяжелые семейные условия, толкнувшие его на преступление, долго волновали Федю. Рассказ Мармеладова о Сонечке вызывал слезы, захватывал дыхание»¹. Тот же автор отмечает огромное воздействие на будущего писателя и романа Сервантеса «Дон Кихот», одного из любимых произведений Достоевского.

Известно, что в личной библиотеке Сологуба было Полное собрание сочинений Достоевского в 12 т. (СПб.: А. Ф. Маркс, 1894; беспл. прилож. к ж. «Нива») с критико-биографическим очерком В. В. Розанова, отдельные издания «Дневника писателя» за 1873, 1876, 1877 гг. Также имелись исследования о Достоевском И. Ф. Анненского² и Л. Шестова³.

* Ольга Алимовна Богданова, д-р филол. наук, ст. научн. сотр. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН — olgabogda@yandex.ru.

¹ Черновитова О. Н. Материалы к биографии Ф. Сологуба // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 239.

² Анненский И. Ф. Ф. М. Достоевский. Казань, 1905. Отд. отд.

³ Шестов Л. Достоевский и Нитше: философия трагедии. СПб., 1903.

Необходимо отметить и сходство внешнего облика обоих писателей, и близость их темпераментов, и похожий склад мышления (маштабность; способность видеть двойственность бытия), а также биографическую параллель судьбы Сологуба с героями Достоевского из «случайных семейств»⁴.

В 1913 г. Сологуб принял участие в полемике вокруг выступлений М. Горького против постановки «Бесов» Достоевского в Московском художественном театре (МХТ). Газета «День» поместила на своих страницах интервью с рядом общественных деятелей, в том числе с Сологубом: «К факту, который нас интересует, отношение может быть только резко отрицательное, негодующее», он «вызывает глубокое чувство обиды и за Достоевского, и за Художественный театр. У нас не так уж много духовных, художественных богатств, чтобы ими можно было швыряться <...> странной мне представляется квалификация Достоевского, как нашего злого гения. Что же? Злой гений может быть только у злых людей, он является показателем того, что у него есть около чего охотиться»⁵. Газета «Биржевые ведомости» под рубрикой «О выпаде г-на Горького против Достоевского» также напечатала мнение нескольких писателей, среди которых был и Сологуб. Его высказывание практически целиком посвящено защите свободы творчества: «Письмо М. Горького с протестом против инсценировки Художественным театром романов Достоевского производит тягостное впечатление, как и всякое другое покушение на свободу творчества <...> Сомнительная польза, которая могла бы быть достигнута запрещением художественного произведения, парализуется развратом общественной совести, — внушением мысли, что высокие создания духа могут быть подвержены гонениям»⁶.

В первом номере журнала «Дневники писателей», который Сологуб, с явной оглядкой на Достоевского, издавал на свои средства в 1914 г., в заметке «От редакции» говорилось о целях и задачах нового издания: «Сказать только свое, только о том, что нас интересует, — к тому, что случается и что останавливает наше внимание, установить наше отношение — кратко и просто, в свободной форме изложить наши свободные мысли — вот чего мы хотим и для чего начали этот журнал»⁷. И. Д. Якубович отмечает, что стиль предисловия по форме и даже по тону близок написанному Достоевским объявлению об издании «Дневника писателя» на 1876 г., помещавшемуся в каждом его выпуске: «Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном» (22, 136). «Очевидный оммаж

⁴ См.: Якубович И. Д. Романы Ф. Сологуба и творчество Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 11. СПб., 1994. С. 192–193.

⁵ День. 1913. 1 окт.

⁶ Биржевые ведомости. 1913. 8 окт.

⁷ Дневники писателей. 1914. № 1, март. С. 3.

Достоевскому»⁸ не ускользнул и от внимания прижизненной критики: «Название, с которым невольно ассоциируется великое имя Достоевского и его знаменитый “Дневник писателя” <...>»⁹. В № 3/4 (май–июнь) за 1914 г. Сологуб упомянул Достоевского среди многих других авторов, передавая свои впечатления от виденного им в Берлине спектакля «Король Лир»¹⁰.

В наследии Сологуба нет специальных критических статей о Достоевском или развернутых оценок его творчества, однако осмысление произведений Достоевского сопровождало Сологуба всю жизнь. Так, Л. Я. Гуревич, вспоминая о сотрудничестве Сологуба в ж. «Северный вестник» в первой половине 1890-х гг., писала: «Несколько раз мне пришлось говорить с ним с глазу на глаз, — один раз, помню, о Достоевском, и тогда душа его приоткрывалась в своей значительности, и чувствовалось, что в таинственной глубине ее есть свои настоящие святости»¹¹. Друг писателя В. В. Смиренский в 1920-х гг. записал слова Сологуба: «Я вот хочу написать трагедию <...> каких нынче уже не пишут. Взять хоть какой-нибудь миф Достоевского <...> “Преступление и наказание”, что ли, и создать из этого мифа трагедию. Сохранить только самый миф, обстановку, героев, конечно. Мармеладова так и должна оставаться Мармеладовой, но — язык, образы, — это будет свое»¹². В письме к А. Белому от 7 декабря 1927 г. Р. В. Иванов-Разумник вспоминал о своем посещении больного Сологуба за три дня до его смерти: после перенесенных болей Сологуб «говорил без умолку и плакал горько <...> “Дайте мне на прощанье поплакать...” <...> “Да разве есть — слова утешения? <...> Есть лишь Слово... И вот — плачу, выплакаться хочу, дайте мне плакать...” И потом — о Достоевском, о Соне Мармеладовой, о чиновнике Мармеладове... “Тоже, утешили: поминальный обед... с дракой. Всякий поминальный обед непременно с дракой. Господи, какая! Бедная, бедная Соня! Дайте мне с нею поплакать!”»¹³.

Сологуб до конца остается верен своей эстетической концепции: «<...> кто же станет спорить против того, что мы гораздо лучше знаем Гамлета или Фальстафа, чем любого из наших знакомых? Темная душа тех, кого мы встречаем на улицах или в гостиных <...> освещается для нас светом нетленных образов искусства. Вот они-то и есть наши истинные знакомые и друзья... Они только и живут на земле, а вовсе не мы. Они-то и есть настоящие, подлинные люди, истинное, не умирающее

⁸ Соболев А. Л. К истории журнала «Дневники писателей» // Федор Сологуб: Разыскания и материалы: Сб. / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 564.

⁹ Вяткин Г. «Дневники писателей» // Утро. 1914. 2 сент. С. 7.

¹⁰ См.: Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 613.

¹¹ Цит. по: Якубович И. Д. Романы Ф. Сологуба и творчество Достоевского. С. 189.

¹² Смиренский В. В. Воспоминания о Ф. Сологубе // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 405.

¹³ Иванов-Разумник Р. В. Письмо А. Белому // Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 257.

население нашей планеты, прирожденные властелины наших дум, могущественные строители наших душ, хозяева нашей земли. Слова их вплелись в ткань нашей речи, мысли их овладели нашим мозгом, чувства их воцарились в нашей душе <...> Мы перед ними — только бледные тени <...> И какое нам дело до самого Шекспира... если душою нашею играет капризный очарователь Гамлет <...> этот нетленный народ и дает нам, быстро в жизни преходящим, неложное мерило добра, истины и красоты. Люди мелькающих дней, рожденные, чтобы умереть, мы должны чаще возвращаться в общество наших господ, этих истинных людей, чтобы учиться у них познанию добра и зла, правды и лжи, красоты и безобразия. Будем всматриваться пристальнее в их живую жизнь, и тогда прольются на нашу призрачную, убегающую жизнь лучи их ясного света»¹⁴. Среди «нетленных образов» значительное место занимали для Сологуба и герои Достоевского, именно с ними вел Сологуб творческий диалог. Очевидно, что сам Достоевский как автор, как личность, подобно Шекспиру, мало интересовал Сологуба.

Об этом свидетельствует характер прямых высказываний, касающихся Достоевского, в публицистике и переписке Сологуба. Так, в августе 1912 г. он писал критику А. А. Измайлову: «Мне кажется, что такие великие произведения, как “Война и мир”, “Братья Карамазовы” и пр. должны быть источником нового творчества, как древние мифы были материалом для трагедии. Если могут быть романы и драмы из жизни исторических деятелей, то могут быть романы и драмы о Раскольникове, о Евгении Онегине и о всех этих, которые так близки к нам, что мы порою можем рассказать о них такие подробности, которых не имел в виду их создатель»¹⁵. В статье «Искусство наших дней» (1915) рассуждения о «всеобщей ответственности за грехи мира», которая «была ясна Достоевскому», явно восходят к старцу Зосиме, герою «Братьев Карамазовых»¹⁶. Здесь же, в разделе о символическом искусстве, Сологуб писал: «Кого бы из великих писателей прежних и новых веков мы ни вспомнили, от Эсхила и Софокла до Ибсена и Метерлинка, все они создавали образы, ставшие для нас символами, источниками живых мифов. Примеры: миф о похищении небесного огня Прометеем, о рыцарских подвигах Дон Кихота во славу Дульцинеи, о преступлении и наказании Раскольникова»¹⁷.

Прижизненная критика и отзывы современников отчетливо связывали личность и творчество Сологуба с влиянием Достоевского, однако предпочтение всё же отдавалось другим отечественным тради-

¹⁴ Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2000–2002. Т. 6. С. 415–417.

¹⁵ Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 225.

¹⁶ См.: Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 442–443.

¹⁷ Там же. С. 420.

циям — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Так, в обширной статье А. Г. Горнфельда о Сологубе в «Русской литературе XX века (1890–1910)» под ред. С. А. Венгерова есть лишь намек на связь с творчеством Достоевского: «Поистине Сологуб тоже поэт униженных и оскорбленных, с тою только разницей, что у него страдание сочувствия идет рядом с презрением к слабому»¹⁸. В критическом отклике на роман «Тяжелые сны» И. Залетный не выделил Достоевского из ряда других авторов, повлиявших на Сологуба: «Это нарастающее впечатление бреда разрешается мучительным припадком раздвоения личности, изображение которого составляет чудный психологический этюд, который можно смело поставить наряду с лучшими рассказами Эдгара По, Мопассана и Достоевского»¹⁹. А. В. Амфитеатров также говорил о Достоевском лишь как об *одном* из учителей Сологуба: «Жизнь создателя лучшего русского сатирического романа — этого “Мелкого беса”, смело ставшего в один ряд с “Мертвыми душами” и “Господами Головлевыми”, соперничающего с глубиной психологических проникновений Достоевского и Чехова, должна быть изучена и освещена пред русским читателем в каждом моменте»²⁰.

В сборнике критических статей и заметок «О Федоре Сологубе» (1911) из более двадцати его авторов менее половины вспомнили о Достоевском и его героях, да и то как правило кратко. Пожалуй, только З. Н. Гиппиус, Р. В. Иванов-Разумник, В. Ф. Боцяновский и П. С. Владимирова надежно связали творчество Сологуба с наследием Достоевского. В статье «Слезинка Передонова» Гиппиус, обращаясь к последнему роману Достоевского, ассоциирует «слоняющую слезу» героя «Мелкого беса» со «слезинкой замученного ребенка», сострадать которому призывал Иван Карамазов²¹. Иванов-Разумник констатирует: «И Ф. Сологуб, и Л. Андреев, и Л. Шестов — все они вышли из Ивана Карамазова»²². Несколько ранее, анализируя в своей книге «О смысле жизни» (1908) творчество Сологуба, критик отметил непреходящую взволнованность писателя «карамазовскими вопросами»: сологубовское отрицание наличной действительности не что иное, как «повторение слов, когда-то сказанных Иваном Карамазовым: “я не Бога не принимаю, я мира им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять” <...> Ф. Сологуб тоже не принимает окружающего его действительного мира, но зато хочет утешиться творчеством

¹⁸ Горнфельд А. Г. Федор Сологуб // Русская литература XX века (1890–1910): В 2 т. Т. 1 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 2000. С. 433.

¹⁹ Залетный И. [Гофитеттер И. А.]. Критические беседы: «Тяжелые сны» Федора Сологуба // Русская беседа. 1896. № 3. С. 180.

²⁰ Амфитеатров А. В. Мои встречи с Сологубом и Чеботаревской // Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 402.

²¹ О Федоре Сологубе. Критика: статьи и заметки / Сост. А. Чеботаревская. СПб., 1911. С. 76–77.

²² Там же. С. 32.

своего мира, создаваемого художественным произволом поэта, <...> реалистическому миру передонощины он хочет противопоставить романтический мир красоты»²³. Подобно Ивану Карамазову, Сологуб, по мысли критика, «очерчивает» свои этические вопросы «кругом <...> детей» (дети — главные герои многих его произведений), так как ужас и зло жизни ярче всего «видны на детях, которые еще, говоря словами Карамазова, яблока не съели и пока ни в чем не виноваты». Однако последовательно проведенный солипсизм Сологуба «совершенно бессилён решить карамазовские вопросы»²⁴. Критик также возвел проблематику произведений Сологуба к образу «стены» как символа наличной реальности в «Записках из подполья» Достоевского²⁵. Л. Шестов уподобляет идейную глубину «Мелкого беса» романам Достоевского²⁶. Ин. Анненский находит в лирике Сологуба «что-то почти Карамазовское, какую-то всегдашнюю близость к преступлению»²⁷. В. Боцяновский, отмечая близость Сологуба прежде всего «к Чехову, Гоголю и Щедрину», усматривает в паре персонажей Передонов–Недотыкомка параллель с Иваном Карамазовым и Чертом. Влияние Достоевского на Сологуба, по мнению критика, — это опосредованное влияние Гоголя²⁸. Е. Аничков сопоставляет «детскую тему» в «Мелком бесе» (Саша и Людмила) и «Братьях Карамазовых» (Коля Красоткин и Илюша)²⁹. А. Горнфельд в статье «Недотыкомка» сближает Достоевского и Сологуба по признаку автобиографичности их отрицательных героев: Смердякова и Опискина — с одной стороны, Передонова — с другой³⁰. А. Измайлов говорит о том, что «бес» Передонова — «мелкий, куцый, жалкий» по сравнению со «страшным духом отрицания и сомнения», смущавшим Ивана Карамазова, и «искусителем, шептавшим на ухо Раскольникову...»³¹. Анализируя «Мелкого беса», П. С. Владимиров отмечает в нем не только преобладающее влияние Гоголя, но и «много мотивов Достоевского, — даже прямо страницы, достойные пера великого провидца и знатока человеческой души — автора “Записок из подполья” и “Братьев Карамазовых”». Образ Передонова возводится к Герою подполья, а сам Сологуб ассоциируется с Иваном Карамазовым, которого критик считает рупором идей Достоевского-автора. Таким образом, оба писателя отождествляются в мировоззренческом постулате «всё позволено»³².

²³ Иванов-Разумник Р. В. О смысле жизни. СПб., 1908. С. 56–57.

²⁴ Там же. С. 36, 68.

²⁵ Там же. С. 305.

²⁶ О Федоре Сологубе. Критика: статьи и заметки. С. 69.

²⁷ Там же. С. 104.

²⁸ Там же. С. 146, 168–172.

²⁹ Там же. С. 217.

³⁰ Там же. С. 256.

³¹ Там же. С. 287–288.

³² См.: Там же. С. 307–310.

Параллели между художественными мирами Достоевского и Сологуба убедительно провел и А. С. Долинин в статье «Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба)» (1913). В отличие от других критиков, он утверждал, что «анalogии, соответствующие мирозерцанию Сологуба, надо искать не в философии Раскольникова и Ивана Карамазова, а Кириллова (“Бесы”) и Ипполита (“Идиот”), с их противопоставлением себя всему миру», космосу. Эти герои отвергают мир не из-за «слезы замученного ребенка», а из-за беспощадных к человеку законов природы, ее «неумолимой механистичности», будто бы поглотившей самого Христа. Ипполит злится на жизнь в напрасном ожидании чуда — победы над природой, Кириллов надеется преодолеть смерть с помощью человеческого своеволия, Сологуб делает следующий шаг — самоутверждение «Я» и «Моей» творческой воли как единственного сущего. «Вся суть мирозерцания Сологуба, — заключает Долинин, — в ипполитовских вопросах и кирилловских ответах»³³. Симптоматично, что все критики-современники ставили Сологуба в один ряд с *персонажами* Достоевского как самостоятельными мировоззренческими субъектами, что вполне совпадало с самооощущением писателя рубежа XIX–XX вв.

Положение темы «Достоевский и Сологуб» в современной исследовательской литературе отражает общую ситуацию в исследовании проблемы «Достоевский и литература Серебряного века», которая пока находится на стадии сбора информации, а также осмысления отдельных аспектов; по ней практически отсутствуют обобщающие статьи и монографии. Эта литература сравнительно немногочисленна и в основном занята рассмотрением частных вопросов. В работах, где творчество Сологуба является лишь одним из объектов исследования, а также посвященных ему в целом, замечания о том или ином воздействии Достоевского рассредоточены и нередко кратки³⁴. Показательно, что

³³ Долинин А. С. Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1989. С. 442–444.

³⁴ См.: Бахтин М. М. Лекции об А. Белом, Ф. Сологубе, А. Блоке, С. Есенине (в записи Р. М. Миркиной) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3; Holthusen J. Fedor Sologub's Roman-Trilogie (Tvorimaja legenda). S-Gravenhage, 1960; Миц З. Г. О некоторых неомифологических текстах в творчестве русских символистов // Миц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004; Силард Л. Поэтика символистского романа конца XIX — начала XX в. (В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Белый) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984; Павлова М. М. Между светом и тенью // Сологуб Ф. Тяжелые сны. Л., 1990; Келдыш В. А. 1) О прозе Сологуба // Ф. Сологуб. Голодный блеск. Киев, 1991; 2) О прозе Сологуба в свете русской классической традиции // Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы: общие закономерности, проблемы прозы. М., 2010; Никитина М. А. «Заветы» реализма в романах старших символистов («Христос и Антихрист» Д. С. Мережковского, «Мелкий бес» Ф. Сологуба) // Связь времен: проблемы преемственности в русской литературе конца XIX — начала XX в. М., 1992; Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века / Авторизов. пер. с англ. М., 1993; Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему);

в специальной монографии, посвященной анализу «диалога в большом времени» между Достоевским и Сервантесом (имевшего первостепенное значение для формирования творческих принципов Сологуба), К. А. Степанян, отметив «особую, очень важную и мало еще разработанную тему — жизнь образов Достоевского и Сервантеса в художественных произведениях, созданных их потомками», Сологуба даже не упомянул. Обозначенную тему автор сознательно оставил «будущим исследователям»³⁵.

Работы, специально посвященные рецепции Достоевского в тех или иных произведениях писателя-символиста, также сравнительно немногочисленны и, как правило, обращены к какому-либо одному произведению или исследовательскому вопросу³⁶.

О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследование в области мифопоэтического. М., 1995; Барковская Н. В. Романы-легенды Ф. Сологуба // Барковская Н. В. Поэтика символистского романа. Екатеринбург, 1996; Исутов К. Г. Философия и литература Серебряного века (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. В. А. Келдыш. М., 2000; Бройтман С. Н. Федор Сологуб // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1. М., 2000; Шафранская Э. Ф. «Маленький человек» в контексте русской литературы конца XIX — начала XX в. (Гоголь–Достоевский–Сологуб) // Русская словесность. 2001. № 7; Павлова М. М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007; Бельтран Альмерия Л. Символизм Достоевского // Литературоведческий журнал. 2007. № 21; Богданова О. А. Под созвездием Достоевского: художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы. М., 2008; Полонский В. В. Поэтика Федора Сологуба: основные принципы, мифологические образы, литературные аллюзии // Известия РАН. Сер. литературы и языка. Т. 75. 2016. № 2.

³⁵ См.: Степанян К. А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. М., 2013. С. 360.

³⁶ См.: Ерофеев В. На грани разрыва: «Мелкий бес» Ф. Сологуба на фоне русской реалистической традиции // Вопросы литературы. 1985. № 2; Горетич И. Параметры пошлости в романном мире Достоевского и Сологуба // Acta Univ. szegediensis. Sect. linguistica. Dissertationes slavicae. 1986. N 18; Kuleshov С. The Dialogue with Dostoevskij in Sologub's Tjazelye sny // Russian Language Journal. 1986. N 40.135; Будникова Л. И. Ф. Сологуб и Достоевский / Челябин. гос. пед. ин-т. Челябинск, 1988. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 34820 от 20.07.1988; Келдыш В. А. О «Мелком бесее» // Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 1988; Соболев А. Л. «Мелкий бес»: к генезису названия // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана: Сб. статей. Тарту, 1992; Улановская Б. «Бесь» Ф. М. Достоевского и «Мелкий бес» Ф. Сологуба // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 3. М., 1994; Якубович И. Д. Романы Ф. Сологуба и творчество Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 11. СПб., 1994; Пантелеев И. В. 1) «Мертвый Христос» в творчестве Достоевского и Ф. Сологуба // Достоевский и современность: Материалы X Международных Старорусских чтений 1995 г. Старая Русса, 1996; 2) Проблема преступления и наказания в романе Ф. Сологуба «Тяжелые сны» // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 9. М., 1997; 3) Традиции Ф. М. Достоевского в романах Ф. Сологуба: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; 4) «Почти классическая мениппея» (Традиции Достоевского в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда») // Достоевский и современность: Материалы XV Международных Старорусских чтений 2000 г. Старая

Обобщающего многоаспектного исследования на тему «Достоевский и Сологуб», которое бы охватило все основные сферы творчества писателя-символиста (прозу, поэзию, драматургию, эссеистику, публицистику), на сегодняшний день нет. Нет также целостного исследования о прозе Сологуба, в том числе о его романистике. Из пяти написанных Сологубом романов широкое исследовательское внимание привлекли только первые три, последние два («Слаще яда» и «Заклинательница змей») критической литературой затронуты очень мало, а с точки зрения возможного влияния Достоевского не рассмотрены совсем.

Поэтические и драматургические опыты Достоевского маргинальны, он всецело прозаик, в первую очередь романист. Напротив, Сологуб полноценно проявил себя во всех литературных родах. Если идейно-содержательное воздействие Достоевского сказалось на всех без исключения литературных произведениях Сологуба, то влияние в сфере поэтики, безусловно, ограничено прозой и, более узко, романистикой. При этом замечено, что в плане содержания поэзию, драматургию и малую прозу (рассказы и повести) Сологуба можно рассматривать как спутники его романных полотен, где разрабатываются те же мотивы, проверяются те же идеи. Так, «Недотыкомка серая» и мотив «Живы дети, только дети...» параллельно с написанием «Мелкого беса» появляются в стихотворениях 1897 и 1899 гг.; лирический образ «пленных зверей» (1908) предшествует мироощущению героев «Творимой легенды» и «Слаще яда»; стихотворение «Чертовы качели» (1907) — архетипический образ-ядро романов Сологуба 1900–1910-х гг., и т. д. «В определенном смысле малая проза была для писателя экспериментальной площадкой <...> Каждому из его романов предшествовали сочинения в стихах и прозе, в которые он вкладывал те или иные художественные идеи и искал способы их выражения»³⁷. Поэтому допустимо при анализе определяющих черт рецепции Достоевского в творчестве Сологуба ограничиться рассмотрением романов.

Говоря об основах мировоззрения обоих писателей, следует отметить различие их духовной конституции: Достоевский — художник

Руса, 2001; 5) Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда» и «классические мениппеи» Достоевского // Достоевский и XX век: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Т. А. Касакиной. М., 2007; Магалашвили А. Р. Дон-Кихот в контексте творчества и эстетических концепций Ф. К. Сологуба и Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк, 1998; Невструев А. А. Проза Ф. Сологуба и традиции Достоевского // Русская литература и эстетика конца XIX — начала XX века. Проблема человека: Сб. 1. Липецк, 1999; Дворянина Н. А. Традиции Достоевского в произведениях о детях Ф. Сологуба // Ф. М. Достоевский и современность: актуальные вопросы изучения творчества. Сургут, 2002; Сайбулина О. Р. К семантике топографии в «Бесах» Достоевского и «Мелком бесе» Ф. Сологуба // Ф. М. Достоевский и современность: актуальные вопросы изучения творчества. Сургут, 2002; Долженко А. Н. Преступление без наказания: наследие Ф. М. Достоевского в неомифологии Ф. Сологуба // Достоевский и XX век: В 2 т. Т. 1. М., 2007.

³⁷ Павлова М. М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 183.

«пути», претерпевший в течение жизни серьезную внутреннюю эволюцию; Сологуб — художник «позиции»³⁸, «сразу сложившийся и таким пребывающий до конца»³⁹, за исключением, пожалуй, самого последнего, малоизученного периода его творчества 1920-х гг. Пока об эволюции Сологуба можно говорить только применительно к поэтике его произведений⁴⁰. Мироззренческий путь Достоевского: от утопического социализма 1840-х гг. — к церковно-православному христианству 1870-х. Мироззренческая позиция Сологуба — последовательно проводимая идея жизнотворчества на основе «мэонизма» Н. Минского, пессимизма А. Шопенгауэра, «аполлонизма» и «дионисийства» Ф. Ницше, теургических исканий Вяч. Иванова и А. Белого. Неудивительно, что «в отношении Сологуба к художественному опыту Достоевского равно сильны отталкивания и притяжения, полемика и желание быть преемником в собственной художественной практике»⁴¹.

Как и большинство литераторов Серебряного века, Сологуб вел творческий диалог скорее с *персонажами* Достоевского, чем с Достоевским-автором⁴². Воспринимая «человекобожеские» идеи Голядкина, Героя подполья, Раскольникова, Ипполита Терентьева, Мышкина, Кириллова, Ивана Карамазова, такие во многом автобиографические герои Сологуба, как Логин («Тяжелые сны»), Передонов («Мелкий бес»), Триродов («Творимая легенда»), Гарволин («Слаще яда»), Разин («Заклинательница змей»), «пробуют» их в новых социально-исторических условиях, видоизменяя и развивая. В героях Достоевского Сологуб привлекала «огромная масштабность идей и вопросов», «духовная широкость, заинтересованность по разрешению тех загадок бытия, которые имеют “вселенский” характер»⁴³. Еще прижизненная критика видела преемственность Сологуба по отношению к «жестокому таланту» (Н. К. Михайловский) Достоевского в склонности изображать «пороговые», психопатологические характеры и состояния психики. Современная исследовательница отмечает: «Проза Сологуба <...> насыщена сценами самоубийств, убийств, безумия, извращенных эмоций»⁴⁴. Как и Достоевский, Сологуб озабочен духовно-психологическим генезисом преступления (прежде всего убийства), «подпольной» психологией. На уровне отдельных мотивов преемственность Сологуба Достоевскому проявляется в сочувствии «униженным и оскорбленным» без рас-

³⁸ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 27.

³⁹ Ходасевич В. Ф. Сологуб // Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 348.

⁴⁰ См.: Бройтман С. Н. Федор Сологуб // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х гг.): В 2 кн. Кн. 1. М., 2000. С. 882.

⁴¹ Якубович И. Д. Романы Ф. Сологуба и творчество Достоевского. С. 192.

⁴² Подробнее см.: Богданова О. А. Под созвездием Достоевского: художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы. М., 2008. С. 294 и др.

⁴³ Якубович И. Д. Романы Ф. Сологуба и творчество Достоевского. С. 191.

⁴⁴ Павлова М. М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. С. 88.

пределения хороших и дурных человеческих качеств по социальному признаку, в глубинном внимании к детской психологии, к раздвоенности человеческого сознания; для Сологуба так же важны категории мечты и красоты, толкуемые, однако, в его мировоззренческой системе совершенно иначе, чем у Достоевского.

Для писателя XIX столетия подлинная красота прежде всего софийна, ее идеал — Христос как Богочеловек. Земная же красота, явленная в человеческом облике, двусмысленна и соблазнительна. Сологуб же подхватывает видоизмененную В. С. Соловьевым мышкинскую формулу «Красота спасет мир» и уже в «Тяжелых снах» предлагает читателю утопию красоты как «невинной» человеческой телесности, вероятно, связанную с ницшеанским «аполлонизмом» и затем, уже в последующих романах, — с концепцией «Святой плоти» «нового религиозного сознания» начала XX в.

Кардинальное расхождение наблюдается и в понимании обоими писателями мечты. Мечтательство — одна из главных сквозных тем творчества Достоевского — оценивается писателем в целом отрицательно, как «воплощенный грех», уже в прозе 1840-х гг. Мечтательство — духовный тупик на пути к Богу, антитеза «живой жизни», т. е. наличной эмпирической реальности, которая, при всем своем несовершенстве, содержит внутри себя божественный первообраз. У Сологуба, напротив, мечта — единственное оправдание тягостной земной жизни, из грубого материала которой она творит подлинную «живую жизнь»: только в вымысле, в творчестве, в искусстве как «творимой красоте» возможно полноценное, осмысленное, свободное бытие человеческого «Я». В статье «Поэты — ваятели жизни» (1922) Сологуб писал: «Мечта, это и есть самая необходимая и самая основная форма человеческой деятельности. Мечта, мысль, изобретение, творческий замысел <...> только эта нематериальная работа человеческой души и создает весь наш мир»⁴⁵. Правда, в последнем романе «Заклинательница змей» писатель отметил возможность ложной, «чахлой» мечты (социалистической утопии), но и такая «мечта всегда правее разума»⁴⁶. Позаимствовав у предшественника словосочетание «живая жизнь», Сологуб наполнил его противоположным содержанием.

Показательно при общности высокой оценки романа Сервантеса «Дон Кихот» и многочисленности обращений к нему различие обоих писателей в отношении к образам этого произведения. Известно, что одним из прототипов «положительно прекрасного человека» Мышкина в романе «Идиот» был Дон Кихот Ламанчский, который «из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее <...> Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон <...> Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены

⁴⁵ Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2 т. / Сост. Л. Соболева. Т. 2. М., 1991. С. 209.

⁴⁶ Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2000–2002. Т. 6. С. 299.

прекрасному — а, стало быть, является симпатия и в читателе» (28₂, 251). Наиболее развернутая характеристика романа Сервантеса — в «Дневнике писателя» за 1877 г.: его чтение, по мысли Достоевского, «возвысило бы душу юноши великою мыслию, заронило бы в сердце его великие вопросы и способствовало бы отвлечь его ум от поклонения вечному и глупому идолу середины, вседозвольному самомнению и пошлomu благоразумию. Эту самую *грустную* из книг не забудет взять с собой человек на последний суд Божий. Он укажет на сообщенную в ней глубочайшую и роковую тайну человека и человечества. Укажет на то, что величайшая красота человека, величайшая чистота его, целомудрие, простодушие, незлобивость, мужество и <...> ум <...> обращается ни во что <...> и даже в посмеяние <...> единственно потому, что всем этим <...> дарам <...> недоставало одного только последнего дара — именно: *гения*, чтоб управлять всем богатством этих даров и всем могуществом их, <...> направить всё это могущество на правдивый, а не фантастический и сумасшедший путь деятельности, во благо человечества!» (26, 25).

Велика вероятность, что в 1877 г. 14-летний Сологуб, увлекавшийся именно в это время романами Достоевского и Сервантеса, прочел эти строки и уже тогда отвернулся от «идола середины». Однако Сологуб-писатель выбрал впоследствии тот самый «фантастический и сумасшедший путь», от которого предостерегал Достоевский, — «придумал» «для спасения истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фантастичнее первой» (26, 26). Эта «новая мечта» («новая ложь», по Достоевскому) — излюбленный сологубовский миф об Альдонсе и Дульцинее, изложенный им в нескольких статьях и ставший мифопоэтической основой всех его романов.

В «Мечте Дон Кихота» (1908) Сологуб писал: «Как истинный мудрец, Дон Кихот для творения красоты взял материал наименее обработанный и потому наиболее свободы оставляющий для творца. Альдонса <...> простая крестьянская девица <...> обычное, пошлое, Санчо-Пансовское восприятие действительности, сильная и прекрасная ирония, вдохновляющая всех прозаиков и точных наблюдателей. А восприятие Дон Кихота, лирическое понимание действительности, из этого грубого материала творит ценность неоцененную, сокровище непреходящее, — то, чего нет, но что должно быть <...> Подвиг лирического поэта в том, чтобы сказать тусклой земной обычной сжигающее *нет*; поставить выше жизни прекрасную, хотя и пустую от зменого содержания форму. Лирический подвиг Дон Кихота в том, что Альдонса отвергнута как Альдонса и принята лишь как Дульцинея»⁴⁷. В отличие от Достоевского, Сологуб оправдывает «милую, странную, смешную, для глупых детей мечту»⁴⁸.

⁴⁷ Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 510.

⁴⁸ Там же. С. 509.

Пolemический аспект в идейно-содержательном восприятии Достоевского проявился у Сологуба также в отношении к религии. Достоевский 1860–1870-х гг. (времени «великого пятикнижия») — православный христианин, верующий во Христа как Богочеловека и строящий на этой вере свое религиозное мировоззрение. Сологуб же исповедует гностическую доктрину о власти над сотворенным миром злого демиурга-Змия; Христос для него не более чем идеальный человек, совершенное «Я», чей подвиг по преобразению «злой» земли — еще «не свершенный»⁴⁹. Более того, христианство как учение о «Человеке Христе», по мысли Сологуба, способно научить людей самостоятельно творить чудеса — в том случае, если они преодолеют в себе зуд материальных желаний и возвысятся над эгоистической мелочностью обыденной жизни.

Противоположно у обоих писателей и отношение к наличной действительности, к «земле». Если для «почвенного» авторского сознания Достоевского «живая жизнь» и есть сотворенная Богом эмпирическая реальность, лишь на время помраченная человеческим грехом, то для Сологуба жизнь — «бабища дебелая и румяная», «безобразная и несчастная»⁵⁰. «Самая яркая, самая отчетливая нить в плетении сологубовского творчества, проникающая все его стихи и прозу, — это *неприятие, отрицание* мира в его настоящем, непреобразенном аспекте»⁵¹, — свидетельствует А. Н. Чеботаревская. Поэтому, в отличие от Достоевского, у Сологуба не религия, а религиозная философия, не миф, а мифологизация, не «живая жизнь», а жизнестроительство («творимая легенда»). Если у Достоевского его авторский идеал существовал в эмпирике настоящего, в зримо-материальной форме (например островки «земного рая», формирующиеся вокруг Зосимы и Алеши Карамазова после видения Каны Галилейской), то у Сологуба — только в будущем, в субъективной мифологической и религиозно-философской мечте вроде страны Ойле в «Творимой легенде» и града Китежа в «Заклинательнице змей». Наличная же действительность представлялась ему неприемлемой.

В области романной поэтики различие между обоими писателями кардинально: если Достоевский — продолжатель «христианского реализма»⁵² в русской литературе, или «реализма в высшем смысле» как органического сосуществования и взаимопроникновения в художественном образе духовного, психического и физического планов реальности⁵³, художник, для которого человеческая личность субстанциональна, то Сологуб — подлинный символист, т. е. писатель, так

⁴⁹ Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 210.

⁵⁰ Там же. Т. 2. С. 443.

⁵¹ О Федоре Сологубе. Критика: статьи и заметки. С. 82.

⁵² См.: Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (Постановка проблемы) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. Вып. 6. Петрозаводск, 2001. С. 11.

⁵³ См.: Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010. С. 17.

сочетающий в своих образах метафизическое и эмпирическое, что последнее теряет свою онтологическую самостоятельность и служит лишь «местом присутствия»⁵⁴ для тех или иных духовных сущностей.

Символистский *неомифологизм* (выражение З.Г. Минц) обуславливает характерное для всей прозы Сологуба *обезличивание* героя: его персонажи лишь воплощение тех или иных архетипических моделей, взятых из древних и современных мифов (культурного героя, близнеца-трикстера, Космоса и Хаоса, Гамлета, Дон Кихота, Раскольникова и др.). Так как личностная неповторимость в секулярно-гуманистической культуре Нового времени — это прежде всего *психологическое* своеобразие индивида, то закономерен отход Сологуба-романиста от традиций психологической прозы XIX в. В религиозно-христианских же антропологических координатах, актуальных для Достоевского-художника, личностное качество индивида определяется не психологическими особенностями, а его *онтологическим* статусом (человек является личностью настолько, насколько способен актуализировать в себе образ Божий), — что и обуславливает особый тип психологизма у автора «Преступления и наказания», существенно отличный от остальной современной ему классической литературы. Отсюда проистекает его знаменитое признание в том, что он не столько «психолог», сколько «реалист в высшем смысле», исследующий «все глубины души человеческой» (27, 65), другими словами — *духовный* субстрат психики. Сохранению и укреплению *личностного* потенциала героя Достоевского способствует протянутая ему «рука помощи» с авторского *религиозного* (христианско-православного) структурного уровня романа, полностью отсутствующего в произведениях Сологуба с присущей им мифологизацией и авторского художественного сознания.

Однако в жанровом отношении романы и рассказы Достоевского и Сологуба имеют существенное сходство, являясь вариациями одной и той же традиции в европейской литературе — мениппеи, приметы которой — «исключительная свобода сюжетного и философского вымысла», «исключительные ситуации для провоцирования и испытания философской идеи», «диалоги на пороге», «экспериментирующая фантастика» и др.⁵⁵ Особенно очевиден мениппейный характер «Творимой легенды»⁵⁶.

Тем не менее романная структура у обоих писателей принципиально разная: Достоевский, в терминологии Бахтина, — автор идейно-полифонических романов, с характерным для них отсутствием дискурсивно-повествовательного выражения авторской позиции и при-

⁵⁴ См.: *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М., 2015. С. 437.

⁵⁵ См.: *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 192–200.

⁵⁶ См.: *Пантелей И.В.* Традиции Ф.М. Достоевского в романах Федора Сологуба. С. 10–14.

сутствием так называемого «надыдеологического» плана⁵⁷; Сологуб — монологических, где авторская позиция выражена в прямых высказываниях, с однозначной оценкой персонажей и их действий. Особенность сологубовского монологизма состоит, однако, в том, что, например, в «Мелком бесе» авторское слово, существующее *над* диалогом персонажных идей (Передонова о «месте» и Людмилы Рутиловой о «теле»), не имеет по сравнению с ними никакого высшего наполнения. В нем отсутствует не только истина (как светлое, утверждающее начало, как Христос у Достоевского), но даже стремление к истине. И в этом смысле оно ниже идеологических слов персонажей, уступая им в онтологической значимости: «место» и «тело» — всё же выражение воли к жизни, а не воли к смерти, как в авторском «слове о мире» «Мелкого беса».

Так как жанр — отражение писательской модели мира, расхождение обоих романистов закономерно: ведь Сологуб как автор разделяет только «нигилистическую» составляющую представления о мире, которое присуще Достоевскому-романисту.

В «Творимой легенде» монологизм проявляется также в *становлении* авторской идеи (Лирика—Ирония—Смерть), которая является главной героиней романа и к которой ни один из персонажей, в том числе Триродов, полностью не приобщается.

В двух последних романах Сологуба авторская идеологическая позиция выражена в дискурсах персонажей: Манугиной («Слаще яда») и Разина с Валентиной («Заклинательница змей»), т. е. авторский «идеологический голос» звучит во «внутренне убедительном»⁵⁸ идеологическом слове названных персонажей.

В заключение — краткий обзор романов Сологуба в аспекте рецепции Достоевского. В основу «Тяжелых снов» (1895) положен «миф о Раскольникове», на материале которого утверждается характерная для декадентского мироощущения идея «преступления без наказания». Сюжет сологубовского романа «напоминает “Преступление и наказание” целым рядом параллельных сцен, героев и даже деталей. Но при этом связь двух романов оказывается подчеркнута полемичной <...> Человек — “вошь” и человек — “ветхий Каин” — формулы, которыми определяют других людей Раскольников и Логин. За счет этих других, “не имеющих права” на жизнь, можно построить счастье свое собственное и всех тех, кто оказывается “право имеющим”. Оба героя жаждут новой жизни и воскресения. Но у одного из них это в конце концов получается, у второго — нет <...> Если Логина можно назвать *новым Раскольниковым*, то Анну (Ермолину. — О. Б.) — *новой Соней Мармеладовой*. Героиня Достоевского ждет от Раскольникова покаяния и готовности понести наказание, понимая, что только через них возможно прощение и спасение. Героиня Сологуба, напротив, настаивает

⁵⁷ См.: Богданова О. А. Под созвездием Достоевского. С. 26–48.

⁵⁸ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 158.

на том, чтобы тайна (убийства Мотовилова. — *О. Б.*) была сохранена, так как “они” (все, кроме нее и Логина) не способны понять и недостойны судить его. Принимая исповедь главного героя, Анна разрешает его от всех грехов»⁵⁹. В картине преступления героев Достоевского и Сологуба обнаруживается почти фотографическое сходство⁶⁰, однако значение его в судьбах Раскольникова и Логина различно: первый погружается в невыносимый онтологический вакуум, второму оно дает «возможность очиститься от зла и принять истину», которая находится отнюдь «не на пути страдания»⁶¹. Также и «диалогизм романов Достоевского чужд автору “Тяжелых снов”. Он побуждает читателя оценивать события романа прежде всего глазами Логина и Анны <...> Линейному эсхатологическому христианскому времени “Преступления и наказания” противостоит циклическое и неизменное “буддийское” время “Тяжелых снов”»⁶². Герои Сологуба так и не вырываются из круга дурной бесконечности.

Роман «Мелкий бес» (1902) считается наиболее полным и органичным воплощением традиций Достоевского в творчестве Сологуба. Здесь «запечатлена дальнейшая эволюция “подпольного типа” Достоевского»⁶³. Феномен социального и онтологического отчуждения человека в повести «Записки из подполья» и других произведениях Достоевского в романе Сологуба превращается в «передоновщину», изображенную «как свойство самой природы человека»⁶⁴. Однако «подполье» Передонова оказывается глубже и безысходнее: он, в отличие от «парадоксалиста» Достоевского, совсем неспособен к самоосознанию. «Уровень сознания Передонова <...> отсылает нас к ранним героям Достоевского, в которых объединены черты “маленького” и “подпольного” человека, — господину Голядкину из “петербургской поэмы” “Двойник” и господину Прохарчину из одноименного рассказа. Фантастика входит в их убогую “реальную” жизнь в тот момент, когда герои сталкиваются со страхом перед жизнью и “угрозой” замены их личности другими лицами»⁶⁵.

«Традиция <...>, — отмечает З. Г. Минц, — это еще и *тема* романа, объект художественной “игры”: цитации, перефразирования, пародии, пародии и т. д. <...> Темы безумия как основы “обыденного”, пошлого уклада сопоставляются и с “мифами” творчества Достоевского. К “Бесам” прямо отсылает название “Мелкого беса”, мотивы “бесовства” (безумия, безумного садизма) передоновской жизни, а также

⁵⁹ Пантелей И. В. Традиции Ф. М. Достоевского в романах Федора Сологуба. С. 4–5.

⁶⁰ См.: Павлова М. Комментарии // Сологуб Ф. Тяжелые сны. Л., 1990. С. 354–359.

⁶¹ Долженко А. Н. Преступление без наказания: наследие Ф. М. Достоевского в неомифологии Ф. Сологуба. С. 293.

⁶² Пантелей И. В. Традиции Ф. М. Достоевского в романах Федора Сологуба. С. 5–6.

⁶³ Там же. С. 6.

⁶⁴ Там же. С. 7.

⁶⁵ Там же. С. 8.

лейтмотив пожара <...> Возникает важнейшая тема “Мелкого беса”: связь неподвижности и глубинного хаоса — всеуничтожения. Дается она, как и у Достоевского, через мифологему пожара. К “Идиоту” отсылает <...> представление о современном мире как мире попанной, проданной и продажной Красоты (ср. о Варваре <...>), а также о Красоте, которая “может мир спасти”. Важно и обыгрывание <...> сюжетной схемы “Идиота” (коллизии “треугольника”, разрешающегося зверским и безумным убийством в финале романа). Отсылками к “Идиоту” служат и имена *Ардалиона Передонова* и *Варварь*»⁶⁶.

Необходимо также вспомнить отмеченную еще Ивановым-Разумником связь образов Людмилы Рутиловой и Лизы Хохлаковой из «Братьев Карамазовых»⁶⁷, отчетливо педалированную автором «Мелкого беса»: обоим героиням свойственно эстетически-телесное переживание мучений распятого Христа. Если Людмила — «язычница», то Лиза — «бесенок», что задает различную авторскую оценку «одержимости» в обоих романах.

Итак, по своей структуре (монологизм, всевидящий автор) сологубовский «роман-миф», безусловно, отличен от идейно-полифонического романа Достоевского.

В главном герое «Творимой легенды» (1907–1914) Сологуб стремился воплотить свое представление о «положительно прекрасном человеке», во многом полемичное по отношению к Мышкину. Причем если «дон-кихотские» коннотации героя «Идиота» в Триродове принимаются и развиваются в уже отмеченном выше специфическом для Сологуба ключе, то коннотации, связанные с образом Христа, решительно отвергаются, о чем свидетельствует эпизод встречи Триродова с князем Эммануилом Осиповичем Давидовым, пародирующий поэму Ивана Карамазова «Великий инквизитор». Невоплотимой христианской идее Триродов противопоставляет собственную мечту о жизнестроительстве: создавая островок «иног, блаженного бытия в тихой прохладе милого леса»⁶⁸ — свою учебно-хозяйственную колонию, герой Сологуба отвергает и полностью отрицает мир за ее пределами: «О, не надо, не надо этой жизни, этой земли!»⁶⁹ Реализуемая «творимая легенда», таким образом, своеобразный аналог «живой жизни» Достоевского, противостоящей в его романах мечте, идее. Но если «живая жизнь» у Достоевского, данная эмпирически, не зависит от «теорий» его героев, предшествует им и «покрывает» их, то «творимая жизнь» Сологуба, тоже данная в этом романе эмпирически, является реализацией «теории» сильной личности, подкрепленной магией и интуицией.

⁶⁶ Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 87–89.

⁶⁷ См.: О Федоре Сологубе. Критика: статьи и заметки. С. 22.

⁶⁸ Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 181.

⁶⁹ Там же. С. 516.

Христианская идея Давидова только декларируется в произведении, образ князя дан эскизно. Автор подчеркивает «выражение великой усталости и страдания» в его глазах⁷⁰, что соотносится с «усталостью» Триродова и Елисаветы, с их «великим утомлением раньше подвига, — и как же, с такою усталостью в душе, мечтать о чуде преображения!»⁷¹. Последние авторские слова можно отнести и к Давидову. Таким образом, очевидна прямая авторская оценка противостоящих идей, что противоречит диалогической структуре романа Достоевского. Собственно авторская позиция в «Творимой легенде» не может быть соотнесена с «авторитетным» словом Достоевского. Напротив, «евангельское слово» (Давидов) здесь играет роль «внутренне убедительного»⁷² слова одного из персонажей, с которым авторская точка зрения не совпадает.

В рассказе о путешествии героев на планету Ойле Сологуб указывает на единственное, по его мнению, «неложное утешение» — на смерть как окончательную авторскую истину в романе. В отличие от «Мелкого беса», смерть для Сологуба теперь «не только <...> разрушительная, но и созидательная сила»⁷³; для писателя «творимая» волей «Я» жизнь может открыть себя только на пороге смерти, что делает Сологуба одним из зачинателей европейского экзистенциализма XX в.

Одновременно образ Триродова — продолжение темы Антихриста в русской литературе, у Достоевского представленной в лице Ставрогина в «Бесах» и Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых»⁷⁴. В «Творимой легенде» Сологуб развивает «достоевские» мотивы «земного рая», разговоров «современных мертвецов» («тихие дети» и «Бобок»), путешествий на другие планеты (страна Ойле и «Сон смешного человека») и др., реализуя тем самым актуальные и для Достоевского традиции романа-мениппеи.

Практически не осмысленные ни прижизненной критикой, ни последующими исследователями, романы «Слаще яда» (1912) и «Заклинательница змей» (1921), тем не менее, дают богатый материал для анализа в них рецепции проблематики и поэтики Достоевского. Концепция первого из названных произведений проясняется в статье «Мечта Дон Кихота» (1908): конструируя на основе образов сервантесовского романа свой миф об Альдонсе и Дульцинее, Сологуб обращается к внутреннему состоянию Альдонсы после того, как она отвергла предложение посланного к ней Дон Кихотом Санчо Пансы преобразиться в Дульцинее. Альдонса продолжает «влачить ярмо обыденности», не верит «высокой мечте», однако «уже отравлена ядом высокого внушения», кото-

⁷⁰ Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 208.

⁷¹ Там же. С. 516.

⁷² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 158.

⁷³ Бройтман С. Н. Федор Сологуб // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х гг.): В 2 кн. Кн. 1. М., 2000. С. 912.

⁷⁴ См.: Пантелей И. В. Традиции Ф. М. Достоевского в романах Федора Сологуба. С. 11–12.

рый всё сильнее, всё «слаще» в ее душе. «Бедная, грубая, смазливая, сильная, <...> прельщающая нехитрыми соблазнами нехитрого жениха, <...> — всё чаще, всё слаще мечтает о высоком счастье, о высоком подвиге. — Хочу быть Дульцинею. И возникает наконец дерзновенная Айседора Дункан, и являет миру высокое и обольстительное зрелище творимой красоты»⁷⁵.

Так и в романе «Слаще яда» русская Альдонса — мещанская девушка Шаня Самсонова, — движимая потребностью преображения в Дульцинею (уже осуществленного другой героиней романа — актрисой Манугиной), ищет своего рыцаря, нового Дон Кихота, «высокая мечта» которого одна только и может «дульцинировать» обыкновенную девушку. Образ Айседоры Дункан (портрет в квартире Манугиной, «обнаженные» танцы Шани) проходит через роман как путеводная звезда для всех желающих «дульцинироваться» альдонс. Однако неудача Шани и ее трагическая смерть связаны с отсутствием в современной Сологубу российской действительности подлинных рыцарей, дон кихотов: из мужских персонажей романа на эту роль мог претендовать только рано умерший Гарволин, в котором Шаня, однако, не узнала своего настоящего героя. Жених же Шани Евгений, на чьи рыцарские качества она и рассчитывала на протяжении всего романного действия, оказывается человеком безнадёжной середины, пошляком, похотливым и грубым эгоистом, неспособным к бескорыстному стремлению к красоте.

По сути дела, в романе «Слаще яда» произошла характерная не только для творчества Сологуба, но и для всей эпохи Серебряного века, «деформация архетипической схемы: окончательная победа над хаосом оказыва[лась] невозможной»⁷⁶. Перед нами субъективный сологубовский антимиф — о «солнечно ясном герое, превратившемся в гадину»⁷⁷. Как и прежде, эмпирическая действительность, в отличие от текстов Достоевского, здесь полностью отрицается; единственным смыслом жизни утверждается творческая мечта.

С Достоевским этот роман роднит тема мечтательства и развитие мотива Дон Кихота, которые трактуются здесь, однако, совершенно иначе. Сходны также и отдельные мотивы: мать Гарволина умирает, «как <...> на мостовой кляча, заморенная работою!»⁷⁸, что является аллюзией на Катерину Ивановну Мармеладову из «Преступления и наказания»; сам Володя Гарволин задает священнику «карамазовский вопрос»: «А зачем дети умирают?»⁷⁹; Анна Липина, любовница Шаниного отца, в соответствии с авторским замыслом, напоминает

⁷⁵ Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 511.

⁷⁶ Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века. М., 2008. С. 20.

⁷⁷ Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 394.

⁷⁸ Там же. С. 59.

⁷⁹ Там же. С. 61.

Грушеньку из «Братьев Карамазовых»⁸⁰; сквозь любовный треугольник Шаня — Евгений — Катя Рябова просвечивает коллизия «Униженных и оскорбленных»: Наташа Ихменева — Алеша Валковский — Катя; в конце романа «ужасная и восхитительная красота» «падшей женщины» Шани напоминает Настасью Филипповну из «Идиота»⁸¹; сам Евгений очевидно соотносится то с Фердыщенко, то с Ганей Иволгиным, то с Келлером, и т. д.

Структура и этого романа Сологуба, в отличие от творений Достоевского, монологическая, с многочисленными авторскими комментариями и прямыми оценками персонажей. Авторская точка зрения вышается над идейными позициями главных героев, в конце концов отвергая их как несостоятельные, что противоречит диалогическому принципу романов Достоевского.

«Заклинательница змей» написана уже после Октябрьского переворота и установления советской власти, что внесло определенные коррективы в устоявшееся мировоззрение Сологуба. Впервые мечта — в данном случае о справедливом социальном устройстве — начинает оцениваться критически: «Что это? Подвиг или безумие? Она заблудилась, но где я найду слова, чтобы показать ей глубину ее заблуждения? <...> И кто может остановить человека, если его увлекает золотая мечта?» — размышляет Разин, alter ego автора, над признанием Веры о готовности отдать гореловские фабрики рабочим, которые, по его мнению, так же эгоистичны и злы, как и нынешние хозяева. Такая «мечта обманывает человека и приводит его не туда, куда он хотел прийти»⁸². Это явная перекличка с известным высказыванием Достоевского о том, что «зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком социальном устройстве не избежите зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой» (25, 201). Теперь путеводной звездой для Сологуба становится легендарный град Китеж; герои романа молятся перед иконами, читают св. Григория Нисского и по-православному называют мечту «мечтанием». Если бы не откровенное исповедание «Человека Христа»⁸³, а не Богочеловека, можно было бы говорить об идейном сближении Сологуба с Достоевским.

Интересно, что излюбленный миф об Альдонсе составляет стержень и этого романа. Изначально Вера подобна «русской крестьянке», «одной из <...> полевых Альдонс»⁸⁴; процесс ее «дульцинизирования» запущен грандиозной страстью фабриканта Горелова, перешедшей вскоре в бескорыстную жертвенную любовь. Однако новая Дульцинея, как и ее рыцарь, обречены на гибель в замкнутом ареале своей ложной

⁸⁰ См.: Там же. С. 113.

⁸¹ См.: Там же. С. 375.

⁸² См.: *Сологуб Ф.* Собр. соч. Т. 6. С. 295–297.

⁸³ Там же. С. 292.

⁸⁴ Там же. С. 197.

мечты. Смерть Веры и Горелова никак нельзя назвать утешительной. Авторские надежды связаны теперь с Разиным и его дочерью Валентиной, Любовью Гореловой, старым слугой, т. е. с героями, ориентированными на сокровенный Китеж — символ древней духовной силы русского народа.

Как и прежде, в этом романе Сологуб остается верен принципу мифологизации художественных текстов Достоевского: влюбленность отца и сына Гореловых в одну и ту же женщину — сюжетная параллель «Братьям Карамазовым»; сознательное убийство Верой мерзавца Шубникова напоминает попытку Дуни Раскольниковой убить Свидригайлова; потопление Верой ценной золотой монеты в реке — аллюзия на сожжение Настасьей Филипповной пачки денег в камине; к «Идиоту» восходит и мотив красоты как товара (в первоначальном отношении Горелова к Вере); Горелов-сын напоминает измельчавшего Ставрогина, а Горелов-отец своей русской «широкостью» — Свидригайлова и того же Ставрогина как «Премудрого змия»; Вера также соотносится с Катериной из «Хозяйки» Достоевского — фольклорным ореолом и очарованностью злым духом, сказочным Змеем Горынычем, с которым настойчиво ассоциируется Горелов-отец; важен в «Заклинательнице змей» и мотив ножа, который сначала обыгрывается в диалогах героев, а затем становится орудием убийства *новой Настасьи Филипповны* — Веры Карпуниной — собственным женихом.

В последнем романе Сологуба также «открыто присутствует собственно авторское слово»⁸⁵, однако авторская идея сливается в «интерсубъектной целостности»⁸⁶ с «внутренне убедительным»⁸⁷ словом персонажа — Разина, что соответствует одному из обозначенных Бахтиным типов монологизма⁸⁸.

Библиографический список

Амфитеатров А. В. Мои встречи с Сологубом и Чеботаревской // Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 389–395.

Анненский И. Ф. Ф. М. Достоевский. Казань, 1905. Отд. отт.

Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века / Авторизов. пер. с англ. М., 1993.

Барковская Н. В. Романы-легенды Ф. Сологуба // Барковская Н. В. Поэтика символистского романа. Екатеринбург, 1996. С. 118–195.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

⁸⁵ *Барковская Н. В.* Романы-легенды Ф. Сологуба // Барковская Н. В. Поэтика символистского романа. Екатеринбург, 1996. С. 183.

⁸⁶ *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пос. В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 253.

⁸⁷ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 158.

⁸⁸ См.: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 138–140.

Бахтин М.М. Лекции об А. Белом, Ф. Сологубе, А. Блоке, С. Есенине (в записи Р.М. Миркиной) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 135–174.

Бельтран Альмерия Л. Символизм Достоевского // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 58–74.

Биржевые ведомости. 1913. 8 окт.

Богданова О.А. Под созвездием Достоевского: художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы. М., 2008.

Бройтман С.Н. Федор Сологуб // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х гг.): В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. В. А. Келдыш. М., 2000. С. 882–932.

Будникова Л.И. Ф. Сологуб и Достоевский / Челяб. гос. пед. ин-т. Челябинск, 1988. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 34820 от 20.07.1988.

Вяткин Г. «Дневники писателей» // Утро. 1914. 2 сент.

Горетич Й. Параметры пошлости в романном мире Достоевского и Сологуба // Acta Univ. szegediensis. Sect. linguistica. Dissertationes slavicae. 1986. № 18. С. 169–183.

Горифельд А.Г. Федор Сологуб // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 391–439.

Дворяшина Н.А. Традиции Достоевского в произведениях о детях Ф. Сологуба // Ф.М. Достоевский и современность: Актуальные вопросы изучения творчества: Сб. научных статей и материалов. Сургут, 2002. С. 51–62.

День. 1913. 1 окт.

Дневники писателей. 1914. № 1.

Долгенко А.Н. Преступление без наказания: наследие Ф.М. Достоевского в неомифологии Ф. Сологуба // Достоевский и XX век. В 2 т. / Под ред. Т. А. Касаткиной. Т. 1. М., 2007. С. 290–296.

Долинин А.С. Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // Долинин А.С. Достоевский и другие. Л., 1989. С. 419–451.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1894; беспл. прилож. к ж. «Нива».

Ерофеев В. На грани разрыва: «Мелкий бес» Ф. Сологуба на фоне русской реалистической традиции // Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 140–158.

Залетный И. [Гоффитеттер И.А.]. Критические беседы: «Тяжелые сны» — роман Ф. Сологуба // Русская беседа. 1896. № 3. Март. С. 170–188.

Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (Постановка проблемы) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. Вып. 6. Петрозаводск, 2001. С. 5–20.

Иванов-Разумник Р.В. О смысле жизни. СПб., 1908.

Иванов-Разумник Р.В. Письмо А. Белому // Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 256–259.

Исутов К.Г. Философия и литература Серебряного века (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. В. А. Келдыш. М., 2000. С. 69–130.

Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015.

Келдыш В. А. О «Мелком бесе» // Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 1988. С. 3–18.

Келдыш В. А. О прозе Сологуба // Сологуб Ф. Голодный блеск. Киев, 1991. С. 5–24.

Келдыш В. А. О прозе Сологуба в свете русской классической традиции // Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы: общие закономерности, проблемы прозы. М., 2010. С. 149–162.

Магалашвили А. Р. Дон-Кихот в контексте творчества и эстетических концепций Ф. К. Сологуба и Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк, 1998. С. 76–82.

Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981.

Милиц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Милиц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 59–96.

Невструев А. А. Проза Ф. Сологуба и традиции Достоевского // Русская литература и эстетика конца XIX — начала XX века. Проблема человека: Сб. 1. Липецк, 1999. С. 11–25.

Никитина М. А. «Заветы» реализма в романах старших символистов («Христос и Антихрист» Д. С. Мережковского, «Мелкий бес» Ф. Сологуба) // Связь времен: проблемы преемственности в русской литературе конца XIX — начала XX в. М., 1992. С. 205–224.

О Федоре Сологубе. Критика: статьи и заметки / Сост. А. Чеботаревская. СПб., 1911.

Павлова М. Комментарии // Сологуб Ф. Тяжелые сны. Л., 1990. С. 351–365.

Павлова М. М. Между светом и тенью // Сологуб Ф. Тяжелые сны. Л., 1990. С. 3–16.

Павлова М. М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007.

Пантелеев И. В. «Мертвый Христос» в творчестве Достоевского и Ф. Сологуба // Достоевский и современность: Материалы X Международных Старорусских чтений 1995 г. Старая Русса, 1996. С. 101–106.

Пантелеев И. Проблема преступления и наказания в романе Ф. Сологуба «Тяжелые сны» // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 9. М., 1997. С. 226–232.

Пантелеев И. В. Традиции Ф. М. Достоевского в романах Федора Сологуба: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Пантелеев И. В. «Почти классическая мениппея» (Традиции Достоевского в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда») // Достоевский и современность: Материалы XV Международных Старорусских чтений 2000 г. Старая Русса, 2001. С. 117–126.

Пантелеев И. Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда» и «классические мениппеи» Достоевского // Достоевский и XX век. В 2 т. / Под ред. Т. А. Касаткиной. Т. 1. М., 2007. С. 297–309.

Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века. М., 2008.

Полонский В. В. Поэтика Федора Сологуба: основные принципы, мифологические образы, литературные аллюзии // Известия РАН. Сер. литературы и языка. Т. 75. 2016. № 2. С. 5–20.

Сайбулина О. Р. К семантике топографии в «Бесах» Достоевского и «Мелком бесе» Ф. Сологуба // Ф. М. Достоевский и современность: Актуальные вопросы изучения творчества: Сб. научных статей. Сургут, 2002. С. 63–66.

Силард Л. Поэтика символистского романа конца XIX — начала XX в. (В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Белый) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 265–284.

Смиренский В. В. Воспоминания о Ф. Сологубе // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 395–425.

Соболев А. Л. «Мелкий бес»: к генезису названия // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана: Сб. статей. Тарту, 1992. С. 171–184.

Соболев А. Л. К истории журнала «Дневники писателей» // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Сб.; под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 555–614.

Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2000–2002.

Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 7 / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2003.

Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 8 / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2004.

Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2 т. / Сост. Л. Соболева. Т. 2. М., 1991.

Сологуб Ф. Тяжелые сны / Коммент. М. М. Павловой. Л., 1990.

Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010.

Степанян К. А. Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. М., 2013.

Теория литературы: Учеб. пос. В 2 т. Т. 2: Историческая поэтика / Сост. С. Н. Бройтман. М., 2004.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследование в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259–367.

Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследование в области мифопоэтического. М., 1995. С. 193–258.

Улановская Б. «Бесь» Ф. М. Достоевского и «Мелкий бес» Ф. Сологуба // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 3. М., 1994. С. 141–152.

Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 194–293.

Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Сб.; под ред. М. М. Павловой. М., 2016.

Ходасевич В. Ф. Сологуб // Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991. С. 342–352.

Черносвитова О.Н. Материалы к биографии Федора Сологуба // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М., 1997. С. 221–260.

Шафранская Э.Ф. «Маленький человек» в контексте русской литературы конца XIX — начала XX в. (Гоголь–Достоевский–Сологуб) // Русская словесность. 2001. № 7. С. 23–27.

Шестов Л. Достоевский и Ницше: философия трагедии. СПб., 1903.

Якубович И.Д. Романы Ф. Сологуба и творчество Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 11. СПб., 1994. С. 188–203.

Holthusen J. Fedor Sologubs Roman-Trilogie (Tvorimaja legenda). S-Gravenhage, 1960.

Kuleshov C. The Dialogue with Dostoevskij in Sologub's Tjazelye sny // Russian Language Journal. 1986. N 40, 135 (Winter). P. 93–105.

Bogdanova O. A. Dostoevsky in the life and work of Fedor Sologub: the current state of study

Key words: Dostoevsky, Fyodor Sologub, topics, don Quixote, Dulcinea, “realism in the highest sense”, symbolism, prose, novel.

The article offers a panoramic comparison of the two writers: biographies, their personalities, and ideological orientations, the range of genres of art, artistic techniques, etc. Special emphasis is given to the topics of Dostoevsky and Sologub, recurrent motifs in their works, which are of European significance. In the first place, the myth of don Quixote and Dulcinea entered into the global cultural space of the great Spaniard of the 16th — early 17th century by Miguel Cervantes.

References

Amfiteatrov A. V. Moi vstrechi s Sologubom i Chebotarevskoj. *Amfiteatrov A. V. Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlja sebja i dlja mnogih. In 2 vols. Vol. 2.* Moscow, 2004. P. 389–395.

Annenskij I. F. *F.M. Dostoevskij.* Kazan', 1905. Otd. ott.

Baran H. *Pojetika russoj literatury nachala XX veka. Avtorizov. per. s angl.* Moscow, 1993.

Barkovskaja N. V. Romany-legendy F. Sologuba. *Barkovskaja N. V. Pojetika simvolistogo romana.* Ekaterinburg, 1996. P. 118–195.

Bahtin M. M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo.* Moscow, 1972.

Bahtin M. M. *Voprosy literatury i jestetiki.* Moscow, 1975.

Bahtin M. M. Lekcii ob A. Belom, F. Sologube, A. Bloke, S. Esenine (v zapisi R. M. Mirkinoj). *Dialog. Karnaval. Hronotop.* 1993. N 2–3. P. 135–174.

Bel'tran Al'merija L. Simvolizm Dostoevskogo. *Literaturovedcheskij zhurnal.* 2007. N 21. P. 58–74.

Birzhevyje vedomosti. 1913. 8 okt.

Bogdanova O. A. *Pod sozvezdijem Dostoevskogo: hudozhestvennaja proza ru-bezha XIX–XX vekov v aspekte zhanrovoj pojetiki russoj klassicheskoj literatury.* Moscow, 2008.

Brojtmán S. N. Fedor Sologub. *Russkaja literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-h gg.)*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2000. P. 882–932.

Budnikova L. I. *F. Sologub i Dostojevskij. Cheljab. gos. ped. in-t.* Cheljabinsk, 1988. Rukopis' dep. v INION AN SSSR N 34820 ot 20.07.1988.

Chernosvitova O. N. Materialy k biografii Fedora Sologuba. *Neizdannyy Fedor Sologub. eds. M. M. Pavlova, A. V. Lavrov*. Moscow, 1997. P. 221–260.

Dvorjashina N. A. Tradicii Dostojevskogo v proizvedenijah o detjah F. Sologuba. *F. M. Dostojevskij i sovremennost': Aktual'nye voprosy izuchenija tvorcestva: Sb. nauchn. statej i materialov*. Surgut, 2002. P. 51–62.

Den'. 1913. 1 okt.

Dnevniky pisatelej. 1914. N 1; N 3/4.

Dolgenko A. N. Prestuplenie bez nakazanija: nasledie F. M. Dostojevskogo v neomifologii F. Sologuba. *Dostojevskij i XX vek*. In 2 vols. Ed. T. A. Kasatkina. Vol. 1. Moscow, 2007. P. 290–296.

Dolinin A. S. Otreshennyj (K psihologii tvorcestva Fedora Sologuba). *Dolinin A. S. Dostojevskij i drugie*. Leningrad, 1989. P. 419–451.

Dostojevskij F. M. *Poln. sobr. soch.* In 12 vols. Saint Petersburg, 1894; bespl. prilozh. k zh. «Niva».

Dostojevskij F. M. *Poln. sobr. soch.* In 30 vols. Leningrad, 1972–1990.

Erofeev V. Na grani razryva: «Melkij bes» F. Sologuba na fone ruskoj realističeskoj tradicii. *Voprosy literatury*. 1985. N 2. P. 140–158.

Fedor Sologub i An. N. Chebotarevskaja. Perepiska s A. A. Izmajlovym. Publ. M. M. Pavlovoj. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Puškinskogo Doma na 1995 god*. Saint Petersburg, 1999. P. 194–293.

Fedor Sologub: Razyskanija i materialy. Sbornik; ed. M. M. Pavlova. Moscow, 2016.

Goretich J. Parametry poshlости v romannom mire Dostojevskogo i Sologuba. *Acta Univ. szegediensis. Sect. linguistica. Dissertationes slavicae*. 1986. N 18. P. 169–183.

Gomfel'd A. G. Fedor Sologub. *Russkaja literatura XX veka (1890–1910)*. Ed. S. A. Vengerov. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2000. P. 391–439.

Hodasevich V. F. Sologub. *Hodasevich V. F. Koleblemyj trenožnik: Izbrannoe*. Moscow, 1991. P. 342–352.

Holthusen J. *Fedor Sologubs Roman-Trilogie (Tvorimaja legenda)*. S-Gravenhage, 1960.

Isupov K. G. Filosofija i literatura Serebrjanogo veka (sblizhenija i perekrestki). *Russkaja literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-h godov): In 2 vols. Vol. 1*. Ed. V. A. Keldyš. Moscow, 2000. P. 69–130.

Ivanov-Razumnik R. V. *O smysle žizni*. Saint Petersburg, 1908.

Ivanov-Razumnik R. V. Pis'mo A. Belomu. *Sologub F. Tvorimaja legenda: In 2 vols. Vol. 2*. Moscow, 1991. P. 256–259.

Jakubovich I. D. Romany F. Sologuba i tvorcestvo Dostojevskogo. *Dostojevskij. Materialy i issledovanija. Vyp. 11*. Saint Petersburg, 1994. P. 188–203.

Kasatkina T. A. *Svjashhennoe v povsednevnom: dvusostavnyj obraz v proizvedenijah F. M. Dostojevskogo*. Moscow, 2015.

Keldysh V.A. O «Melkom bese». *Sologub F. Melkij bes*. Moscow, 1988. P. 3–18.
Keldysh V.A. O proze Sologuba. *Sologub F. Golodnyj blesk*. Kiev, 1991. P. 5–24.
Keldysh V.A. O proze Sologuba v svete ruskoj klassicheskoj tradicii. *Keldysh V.A. O «serebrjanom veke» ruskoj literatury: obshhie zakonomernosti, problemy prozy*. Moscow, 2010. P. 149–162.

Kuleshov C. The Dialogue with Dostoevskij in Sologub's Tjazelye sny. *Russian Language Journal*. 1986. N 40, 135 (Winter). P. 93–105.

Magalashvili A.R. Don-Kihot v kontekste tvorčestva i jesteticheskijh koncepcij F.K. Sologuba i F.M. Dostoevskogo. *Tvorčestvo F.M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretacii*. Novokuzneck, 1998. P. 76–82.

Maksimov D.E. *Pojezija i proza Al. Bloka*. Leningrad, 1981.

Minc Z. G. O nekotoryh «neomifologičeskijh» tekstah v tvorčestve ruskich simvolistov. *Minc Z. G. Pojetika russkogo simvolizma*. Saint Petersburg, 2004. P. 59–96.

Neustruev A.A. Proza F. Sologuba i tradicii Dostoevskogo. *Russkaja literatura i jestetika kontsa XIX — nachala XX veka. Problema čeloveka. Sbornik 1*. Lipetsk, 1999. P. 11–25.

Nikitina M.A. «Zavety» realizma v romanah starših simvolistov («Hristos i Antihrist» D. S. Merezhkovskogo, «Melkij bes» F. Sologuba). *Svjaz 'vremen: problemy preemstvennosti v ruskoj literature kontsa XIX — nachala XX v.* Moscow, 1992. P. 205–224.

O Fedore Sologube. Kritika: stat'i i zametki. Sost. A. Chebotarevskaja. Saint Petersburg, 1911.

Pavlova M. Kommentarii. *Sologub F. Tjazhelye sny*. Leningrad, 1990. P. 351–365.

Pavlova M.M. Mezhdu svetom i ten'ju. *Sologub F. Tjazhelye sny*. Leningrad, 1990. P. 3–16.

Pavlova M.M. *Pisatel'-inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov*. Moscow, 2007.

Pantelej I. V. «Mertvyj Hristos» v tvorčestve Dostoevskogo i F. Sologuba. *Dostoevskij i sovremennost': Materialy X Mezhdunarodnyh Starorusskijh čtenij 1995 g.* Staraja Russa, 1996. P. 101–106.

Pantelej I. Problema prestuplenija i nakazanija v romane F. Sologuba «Tjazhelye sny». *Dostoevskij i mirovaja kul'tura: Al'manah. N 9*. Moscow, 1997. P. 226–232.

Pantelej I. V. *Tradicii F.M. Dostoevskogo v romanah Fedora Sologuba: Avtorferat dis. ... kand. filol. nauk*. Moscow, 1998.

Pantelej I. V. «Pochti klassičeskaja menippeja» (Tradicii Dostoevskogo v romane F. Sologuba «Tvorimaja legenda»). *Dostoevskij i sovremennost': Materialy XV Mezhdunarodnyh Starorusskijh čtenij 2000 g.* Staraja Russa, 2001. P. 117–126.

Pantelej I. Roman F. Sologuba «Tvorimaja legenda» i «klassičeskie menippej» Dostoevskogo. *Dostoevskij i XX vek. In 2 vols. Ed. T.A. Kasatkina. Vol. I*. Moscow, 2007. P. 297–309.

Polonskij V.V. *Mifopojetika i dinamika zhanra v ruskoj literature konca XIX — nachala XX veka*. Moscow, 2008.

Polonskij V.V. Poetika Fedora Sologuba: osnovnye printsipy, mifologičeskie obrazy, literaturnye alliuizii. *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. Vol. 75*. 2016. N 2. P. 5–20.

Sajbulina O.R. K semantike topografii v «Besah» Dostojevskogo i «Melkom bese» F. Sologuba. *F.M. Dostojevskij i sovremennost': Aktual'nye voprosy izuchenija tvorčestva: Sbornik nauchn. statej*. Surgut, 2002. P. 63–66.

Šafranskaja Je. F. «Malen'kij chelovek» v kontekste ruskoj literatury konca XIX — nachala XX v. (Gogol'–Dostojevskij–Sologub). *Russkaja slovesnost'*. 2001. N 7. P. 23–27.

Shestov L. *Dostojevskij i Nitshe: filosofija tragedii*. Saint Petersburg, 1903.

Silard L. Pojetika simvolistskogo romana konca XIX — nachala XX v. (V. Brjusov, F. Sologub, A. Belyj). *Problemy pojetiki russkogo realizma XIX veka*. Leningrad, 1984. P. 265–284.

Smirenskij V.V. Vospominanija o F. Sologube. *Neizdamyj Fedor Sologub*. Eds. M.M. Pavlova, A.V. Lavrov. Moscow, 1997. P. 395–425.

Sobolev A.L. «Melkij bes»: k genezisu nazvanija. *V chest' 70-letija professora Ju. M. Lotmana: Sbornik statej*. Tartu, 1992. P. 171–184.

Sobolev A.L. K istorii zhurnala «Dnevnik pisatelej». *Fedor Sologub: Razyskanija i materialy. Sbornik; ed. M.M. Pavlova*. Moscow, 2016. P. 555–614.

Sologub F. *Sobr. soch. In 6 vols. Sost. i prim. T.F. Prokopova*. Moscow, 2000–2002.

Sologub F. *Sobr. soch. Vol. 7. Sost. i prim. T.F. Prokopova*. Moscow, 2003.

Sologub F. *Sobr. soch. Vol. 8. Sost. i prim. T.F. Prokopova*. Moscow, 2004.

Sologub F. *Tvorimaja legenda. In 2 vols. Sost. L. Soboleva. Vol. 2*. Moscow, 1991.

Sologub F. *Tjazhelye sny. Komm. M.M. Pavlovoj*. Leningrad, 1990.

Stepanjan K.A. *Javlenie i dialog v romanah F.M. Dostojevskogo*. Saint Petersburg, 2010.

Stepanjan K.A. *Dostojevskij i Servantes. Dialog v bol'shom vremeni*. Moscow, 2013.

Teoriia literatury: Učeb. pos. In 2 vols. Vol. 2: Istoricheskaia poetika. Comp. S.N. Broitman. M, 2004.

Toporov V.N. Peterburg i «Peterburgskij tekst ruskoj literatury» (Vvedenie v temu). *Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanie v oblasti mifopojeticheskogo*. Moscow, 1995. P. 259–367.

Toporov V.N. O strukture romana Dostojevskogo v svjazi s arhaičeskimi shemami mifologičeskogo myshlenija («Prestuplenie i nakazanie»). *Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanie v oblasti mifopojeticheskogo*. Moscow, 1995. P. 193–258.

Ulanovskaja B. «Besy» F.M. Dostojevskogo i «Melkij bes» F. Sologuba. *Dostojevskij i mirovaja kul'tura: Al'manah. N 3*. Moscow, 1994. P. 141–152.

Vjatkin G. «Dnevnik pisatelej». *Utro*. 1914. 2 sent.

Zaharov V.N. Hristianskij realizm v ruskoj literature (Postanovka problemy). *Evangel'skij tekst v ruskoj literature XVIII–XX vekov. Citata, reminiscencija, motiv, szuzhet, zhanr: Sbornik. nauchn. trudov. Vyp. 6*. Petrozavodsk, 2001. P. 5–20.

Zaletnyj I. [Gofshtetter I.A.]. Kritičeskie besedy: «Tjazhelye sny» — roman F. Sologuba. *Russkaja beseda*. 1896. N 3. March. P. 170–188.